

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Кондратьева Наталья Владимировна,

*доктор филологических наук, директор
Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск, РФ), nataljakondratjeva@yandex.ru*

Степанова Ольга Алексеевна,

*аспирант Института удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск, РФ), troninaolga@yandex.ru*

Статья посвящена выявлению основных этапов формирования общественно-политической лексики удмуртского языка. Приводится обзор лексикографических источников, в которых нашла отражение лексика анализируемой отрасли начиная со второй половины XVIII в. по настоящее время.

С целью систематизации и анализа обширного эмпирического материала использовались такие методы, как текстологическое наблюдение, лексикографическая сверка, конкретно-историческое наблюдение, комбинированная методика, анализ высказываний историков и языковедов по поводу изучаемого материала.

Благодаря проведенному анализу было выявлено, что в истории удмуртского языкознания можно выделить четыре основных этапа становления общественно-политической лексики удмуртского языка: 1) первый этап связан с фиксацией отдельных лексем исследуемой группы слов и датируется XVIII–XIX вв. Уже в первых памятниках удмуртской письменности (в грамматиках В. Г. Пуцка-Григоровича, М. Могилына, в словаре З. Кротова) можно найти слова с общественно-политической окраской. Данный этап характеризуется отсутствием целенаправленной деятельности по изучению общественно-политической лексики удмуртского языка; 2) 1920–1930-е гг. отличаются сознательным и системным подходом к созданию терминов в различных отраслях науки. Именно этот период оставил большое количество новообразований в лексической системе удмуртского языка; 3) в 1940–1990-е гг. вновь прекращается целенаправленная работа по развитию отраслевой лексики, а научно-практический багаж по созданию терминов постепенно утрачивает силу и актуальность; 4) в 1990-е гг. начался новый этап в становлении удмуртской терминологии, который продолжается до наших дней.

Работа ведется по двум направлениям: проведение теоретических исследований по изучению лексического состава удмуртского языка; создание терминов и развитие отраслевой лексики, а также практическое применение терминов в различных изданиях.

Ключевые слова: терминология; удмуртский язык; общественно-политическая лексика; общественно-политическая терминология; язык и общество.

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Степанова О. А. Формирование общественно-политической лексики удмуртского языка как отражение процессов языкового строительства // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 26–36.

Введение

Исследование общественно-политической терминологии удмуртского языка представляет большой лингвистический интерес. Интенсивные изменения в социально-экономической и культурной жизни XX в. отразились на развитии лексического состава, вызвали возникновение значительного количества новых терминов в удмуртском языке, в том числе в

общественно-политической сфере. Поэтому появилась необходимость должным образом обобщить накопленный опыт терминотворчества, рассмотреть функционирование общественно-политической лексики в разные исторические периоды и охарактеризовать современное состояние развития общественно-политической терминологии удмуртского языка. Бесспор-

но, вопросы формирования и развития общественно-политической лексики следует рассматривать в тесной связи с историческими событиями, трансформациями в социально-экономической, политической и культурной жизни народа.

Изучение процессов формирования общественно-политической терминологии в удмуртском языкознании до настоящего времени не подвергалось комплексному исследованию. При этом многие теоретические и практические вопросы, связанные с языковым строительством и выявлением путей дальнейшего развития, требуют решения. При переводе на удмуртский язык нормативно-правовых актов, общественно-политической литературы возникает проблема отсутствия должной лексикографической базы, так как существующие словари удмуртского языка охватывают лишь часть единиц общественно-политической терминологии. Стабилизация же общественно-политической лексики удмуртского языка во многом зависит от состояния ее изученности.

С учетом изложенного основной целью данного исследования стало выявление основных этапов становления общественно-политической лексики в удмуртском языке. Для решения поставленной цели решались следующие задачи: а) описать основные направления деятельности по развитию общественно-политической терминологии удмуртского языка с XVIII в. до наших дней; б) установить интра- и экстралингвистические факторы, обусловившие процессы изменений в лексике общественно-политической сферы на различных этапах.

Объектом исследования выступает общественно-политическая терминология удмуртского языка. В качестве предмета исследования рассматриваются социолингвистические и историко-культурные процессы становления и развития удмуртской терминологии.

Обзор литературы

Вопрос о системных отношениях в лексике в развитии современного языкознания по праву считается одним из центральных и наиболее дискуссионных, по-

скольку лексический уровень языка является наиболее открытым и изменчивым. Динамической природе лексических единиц посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых. Так, при определении понятий «общественно-политическая лексика» и «общественно-политическая терминология», определении их границ и признаков основополагающими являются труды А. А. Реформатского¹, С. В. Гринева-Гриневица², И. Ф. Протченко [9], Т. Б. Крючковой [8], О. И. Воробьевой [2], А. В. Загребельного [5] и др.

В удмуртском языкознании из работ, посвященных изучению процесса терминотворчества, следует отметить труды Б. В. Каракулова [6], С. В. Соколова [10], П. И. Воронцова [3], С. В. Герасимовой [4], В. К. Кельмакова [7], О. В. Титовой [12] и др.

Что касается общественно-политической лексики, сегодня – это малоизученная область удмуртской лингвистики. Имеется единственная диссертация В. М. Вахрушева «Общественно-политическая лексика в удмуртском языке», которая была защищена в 1954 г. Отдельные сведения о процессе развития общественно-политической терминологии в системе удмуртского языка можно получить в публикациях В. М. Вахрушева [1] и И. В. Тараканова [11]. Таким образом, комплексное изучение общественно-политической лексики удмуртского языка в синхронии и диахронии требует дальнейшего осмысления.

Материалы и методы

В работе использованы методы, принятые в лексикологии и в системно-структурном описании языковых явлений. С целью систематизации и анализа общественно-политической лексики удмуртского языка применялся текстологический анализ избранных источников, основанный на рецензировании, атрибуции, интерпретации и классификации

¹См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. Москва, 1996.

²См.: Гривев-Гривевич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва, 2008.

текстов. Кроме того, были задействованы такие методы, как текстологическое наблюдение, лексикографическая свертка, конкретно-историческое наблюдение, комбинированная методика, анализ высказываний историков, этнографов и языковедов по поводу изучаемого материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Формирование общественно-политической терминологии в удмуртском языке – результат многовековой истории его развития. При этом характер и степень интенсивности изменений словарного состава в разные периоды различаются. Можно выделить 4 этапа развития отраслевой лексики удмуртского языка:

1) вторая половина XVIII в. – 1920-е гг. – становление лингвистических традиций описания терминов;

2) 1920 – 1930-е гг. – целенаправленное совершенствование словарного состава удмуртского языка;

3) 1940 – 1990-е гг. – период застоя в области терминовтвочества;

4) с 1990-х гг. до наших дней – активизация деятельности по развитию различных групп отраслевой лексики.

Рассмотрим каждый из указанных этапов более подробно.

Удмуртская лексикология XVIII–XIX вв.

Удмуртское языкознание относится к числу наук с небольшой дореволюционной традицией. Филологическая наука Удмуртии начала формироваться в XVIII в. (один из важнейших в России с точки зрения исторического контекста) – эпоху просвещения, развития экономики, политики, науки и техники.

К письменным памятникам XVIII в. в удмуртской лингвистике относятся две грамматики: «Сочинения принадлежащая къ грамматикъ вотякаго языка» (1775), составленное под руководством В. Пуцек-Григоровича и «Краткой оцяцкія Грамматики опытъ» М. Могилина (1786), а также объемный рукописный словарь Захария Кротова (1785).

Учитывая, что в XVIII–XIX вв. на удмуртском языке издавалась в основном ли-

тература клерикального и дидактическо-просветительского характера, естественно, что именно в этом направлении и шло образование терминов, но параллельно затрагивались и некоторые другие тематические группы. В частности, в памятниках удмуртской письменности XVIII в. относительно широко представлены географические и биологические наименования: *чукпаль* ‘восток’ (Грамматика, с. 14), *шекыць* ‘шерсть’ (Грамматика, с. 28); *кисло* ‘рак’ (Опыт, с. 41), *цябей* ‘пшеница’ (Опыт, с. 35), *заризь* ‘море’ (Опыт, с. 37); *пушьем* ‘роща’ (УРС, с. 184), *кицьконни* ‘остров’ (УРС, с. 89), *ву ваись* ‘водопад’ (УРС, с. 32) и т. д.

Что касается общественно-политической лексики, она представлена довольно скудно. Например, в первой научной грамматике встречаются следующие термины с общественно-политическим значением, прежде всего лексика, обозначающая реалии общественно-политической жизни дореволюционной России: *кунь* ‘царь’, *эксей* ‘государь’, *эксейлэнь кышно* ‘государыня’ (Грамматика, с. 16), *седмурть* ‘крестьянин’ (Грамматика, с. 17), *калыкь ирь* ‘староста’ (Грамматика, с. 75), *кунь воземь паль* ‘царство, империя’ (Грамматика, с. 101), *кылемь уватамань* ‘наместник’ (Грамматика, с. 111); в словаре З. Кротова – *гурт ирь* ‘десятский, десятник’ (УРС, с. 43), *быдзимь эксей улос* ‘государство’, *быдзимь лекь* ‘начальство, власть’ (УРС, с. 17), *вужкать* ‘закон’ (УРС, с. 33); в работе М. Могилина – *кенешь* ‘собрание, совет’ (Опыт, с. 27), *уваньбурь* ‘достаток’ (Опыт, с. 47), *ватамань* ‘наследник, владлец’ (Опыт, с. 23).

В целом, эти лексемы отражали общественно-политический уклад жизни удмуртов до революции 1917 г. С наступлением нового общественно-политического строя данные лексемы утратили актуальность и были вымещены из системы языка.

Единичные примеры, относящиеся к лексике общественно-политической сферы, представлены в переводной литературе данного и последующего столетия. Таким образом, на протяжении XVIII–XIX вв. происходила фиксация исследуемой группы слов. Традиция ее научного осмысления еще не была заложена.

*Удмуртская терминология
в 1920–1930-е гг.*

В формировании и развитии удмуртской научной терминологии особое место занимают 1920–1930-е гг. Сразу после Октябрьской революции 1917 г. новая власть в качестве одного из важнейших принципов национальной политики определила развитие национальных языков. В то время государственные и партийные органы проводили целенаправленную работу по расширению сферы применения и функций удмуртского языка: формировали систему национального просвещения, создавали условия для функционирования удмуртского языка в качестве государственного наравне с русским (на всех советских собраниях и заседаниях в пределах Вотской автономной области оба языка были уравнены в правах; все документы – постановления, приказы, инструкции, объявления и т. п. – печатались одновременно на удмуртском и русском языках).

Однако использованию удмуртского языка во всех сферах препятствовало отсутствие необходимой терминологии, и была поставлена задача создать новую терминологическую систему. Этим занялась специально созданная Комиссия по реализации удмуртского языка, впоследствии названная «Рудья». В состав комиссии вошли известные общественно-политические деятели, писатели, журналисты, лингвисты. В разное время в ней работали М. И. Ильин, Т. К. Борисов, Д. И. Корепанов (Кедра Митрей), С. П. Жуйков, И. Д. Яковлев, К. П. Герд (Чайников). Уже на первом заседании, 19 сентября 1925 г., в качестве одного из важных направлений деятельности было названо «установление принципов терминологии».

Наиболее успешно в области терминотворчества в те годы работал общественный деятель, этнограф и поэт Кузубай Герд. Он ввел в научный оборот слова по разным отраслям науки и техники. Большую помощь в создании новых слов ему оказало знание финского языка. Так, под влиянием финского языка возникли термины *ужкнига*, *ужкагаз* ‘доку-

мент, деловая книга’ (ср.: фин. *asiakirja* – от *asia* – *уж* ‘работа’, *kirja* ‘книга’); *улюсуд* ‘суд низшей инстанции’ (ср.: фин. *alaoikeus* – от *ala* ‘низший’, *oikeus* ‘суд’). Кроме того, он широко использовал внутренние ресурсы удмуртского языка – словосложение, распространенные словообразовательные суффиксы и способ лексикализации сочетаний слов. В частности, при помощи суффиксов *-эт* (*-ет*), *-ос* предложил образовать новые слова – *курет* ‘прошение’, *индылэт* ‘инструкция’, *пуктэт* ‘постановление’, *зэмос* ‘правда’, *эштос* ‘товарищество’.

В 1928 г. в 15-м номере журнала «Кенеш» Герд опубликовал словник, включающий в себя 244 новых термина, 99 из которых можно отнести к общественно-политической лексике. Большинство терминов образованы в результате буквального калькирования или использования внутренних словообразовательных ресурсов удмуртского языка: *азьветлйсь* ‘предводитель, вождь’ (КГ, б. 208), *кунгож събр* ‘заграница’ (КГ, б. 209), *кылож* ‘дискуссия’, *кенеш* ‘совещание, совет’ (КГ, б. 210), *онерлык* ‘промышленность’ (КГ, б. 212), *югытлык* ‘просвещение’, *йыруж* ‘уголовное дело’ (КГ, б. 213). Большая часть предложенной лексики закрепилась в современном удмуртском языке.

Новые слова с общественно-политической окраской начали активно применяться и на страницах ведущей удмуртской газеты «Гудыри». Рост неологизмов общественно-политического характера можно обнаружить уже в газете за 1926 г.: *Соослэн вичак бергась коньдонзы 1-тй октябре 500 миллён лыд'яське вал* «Их капитал на 1 октября насчитывал 500 миллионов»; *Вайяськон уж'ёс, мынтйт луон'ёс парти пöлын али но жутскыло* «Раздвоения, явления оппозиции и сейчас происходят внутри партии». Кроме того, в материалах газеты «Гудыри» 1926 г. встречаются следующие неологизмы с общественно-политическим значением: *пырьсь-потйсь коньдон* ‘бюджет’, *коньдон понйсьёс* ‘вкладчики’, *ужам мед* ‘жалование’, *отчам* ‘собрание’, *законэз валатйсь* ‘юрист-консультант’, *дур басьтйсь* ‘защитник’, *куриськон* ‘заявление’ и т. д.

Помимо неологизмов в газетных статьях активно начали употребляться многочисленные советизмы, и язык стал трудным для восприятия. В помощь читателям в 1926 г. вышла книга Е. Ф. Евсеева «Газет лыдзисъёслы кыл валэктон» («Словотолкователь читателям газет»). Эта работа – своего рода первый русско-удмуртский словарь общественно-политических терминов. В него вошли около 1 300 терминов. Кроме толкования общественно-политических терминов здесь дается разъяснение некоторых узкоспециальных слов и терминов. В указанном словаре можно встретить следующие общественно-политические термины: *лөпкытъясь* ‘агитатор’ (ЕЕ, с. 6), *радтэк улон* ‘анархия’ (ЕЕ, с. 9), *Бадзым суд* ‘трибунал’ (ЕЕ, с. 124), *лыятон* ‘пропаганда’ (ЕЕ, с. 102), *выжы коньдон* ‘основной капитал’ (ЕЕ, с. 93), *ваньбурен тырон* ‘наатуральная плата’ (ЕЕ, с. 89), *калык бугыр’яськон* ‘бунт’ (ЕЕ, с. 22) и т. д. Таким образом, этот словарь в полной мере отразил изменения общественно-политической терминологии советского периода.

Нельзя не отметить еще один словарь, включающий в себя общественно-политическую лексику советской эпохи. Важными разделами «Практического вотско-русского словаря» (1930) Жуйкова стали два приложения, содержащие образцы деловых бумаг, а также словарь канцелярской терминологии. Большинство неологизмов, включенных в этот словарь-приложение, можно с уверенностью отнести к общественно-политическим терминам: *веран мылкыд* ‘лозунг’ (ПВРС, с. 107), *вожвыл’яськон* ‘прения’ (ПВРС, с. 105), *закон выжы* ‘конституция’, *кенешон уж’ёс* ‘повестка дня’ (ПВРС, с. 106), *огазъйтскон* ‘союз’ (ПВРС, с. 107), *узатон* ‘провокация’ (ПВРС, с. 109) и т. д. Среди предложенных Жуйковым терминов встречаются довольно удачные, но, к сожалению, многие из них не успели закрепиться в литературном языке.

1920–1930-е гг. характеризуются интенсивной работой по переводу учебников и учебных пособий на удмуртский язык. Активно развивались отраслевые

терминосистемы, однако общественно-политическая терминология в учебниках обществоведения была представлена довольно слабо. Это связано, прежде всего, с идеологическим характером данного школьного предмета и стремлением использовать русский язык при обозначении новых реалий, в частности обозначающих государственные учреждения и партийные должности советского времени. Советизмы подвергались лишь частичной адаптации системе удмуртского языка (см., например, учебник по обществознанию³): *революцио движение* ‘революционное движение’, *хими промышленось* ‘химическая промышленность’, *манифес* ‘манифест’, *собственность* ‘собственность’, *пролетар революци* ‘пролетарская революция’ и т. п.

В целом, можно отметить, что работа комиссии «Рудья» была плодотворной: выработан единый литературный удмуртский язык; установлены правила орфографии и пунктуации; терминосистема удмуртского языка обогатилась новыми словами. Несомненно, эта работа имела бы продолжение, но большинство членов комиссии «Рудья» и представителей удмуртской интеллигенции, которые привлекались к ее деятельности, были репрессированы.

Таким образом, 1920–1930-е гг. – один из переломных периодов не только в политическом и социально-экономическом плане, но и в лингвистическом. Именно в тот период активизировалась работа по становлению литературного языка, начались научные изыскания в области орфографии, лексикологии и терминологии.

Удмуртская терминология в 1940–1990-е гг.

Уже с конца 1930-х гг. происходил постепенный отход от достигнутых успехов. Начавшиеся репрессии и обвинения удмуртской интеллигенции в «национализме», «троцкизме» помешали дальнейшей работе и в области терминотворчества. Кроме того, еще в 1936 г. было издано постановление пленума Удмуртско-

³ См.: Овсянникова М., Левитан Б., Некрасова В. Обществоведение. III люкет. Ижкар, 1933.

го обкома ВКП(б), в котором говорилось о «засоренности» изданий на удмуртском языке малоупотребительными терминами и содержались тезисы, призывавшие к отказу от употребления «надуманных» националистами новых слов и выражений, так как они якобы отражают старинный уклад жизни удмуртов и пропагандируют буржуазную идеологию.

В конце 1950-х гг. изменился общественно-политический статус удмуртского языка: из языка образования он постепенно был вытеснен на уровень учебного предмета. В результате вся удмуртская отраслевая (географическая, математическая, лингвистическая, литературоведческая, биологическая) лексика, разработанная в 1930-е гг., была предана забвению, а в массовой публицистической литературе русские заимствования перестали переводить даже в тех случаях, где на то были соответствующие удмуртские эквиваленты (*обращение* вместо *вазиськон*, *вопросительный знак* вместо *юанпус*, *вычитание* вместо *кулэстон*).

Все это находит подтверждение в лексикографических изданиях того периода. В частности, если сравнить «Русско-удмуртский словарь для начальной школы» (1939 г.) и «Русско-удмуртский словарь» (1956 г.), можно заметить следующую тенденцию: в словаре 1939 г. для слов с общественно-политической окраской приводятся удмуртские эквиваленты: *граница*, *грань*, *кунгож* (РУС 1939, с. 46), *школа*, *дышетскон инты* (РУС 1939, с. 296), *преступник*, *урод уж лэстйсь* (РУС 1939, с. 195), *руководитель*, *кивалтйсь* (РУС 1939, с. 226) и т. д.; в словаре 1956 г. практически все общественно-политические термины зафиксированы только на русском языке: *общество* (РУС 1956, с. 582), *указ* (РУС 1956, с. 115), *правительство* (РУС 1956, с. 792), *граница* (РУС 1956, с. 190), *отчёт* (РУС 1956, с. 646), *республика* (РУС 1956, с. 954) и т. д.

Таким образом, активная деятельность по разработке терминов на удмуртском языке в связи с новыми стратегическими ориентирами развития Советского государства в 1940–1990-е гг. была предана забвению.

Удмуртская терминология с 1990-х гг. до наших дней

Новый творческий подъем по выработке общественно-политической лексики характерен для 1990-х гг. После распада СССР перед руководством РФ встал вопрос о выработке новой национальной политики, которая адекватно отражала бы потребности многонационального российского общества. В связи с этим был принят новый закон, направленный на создание условий для сохранения и равноправного развития языков народов России – закон «О языках народов Российской Федерации». Кроме того, в Удмуртской Республике 27 ноября 2001 г. был принят закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов России», который закрепил право удмуртского этноса на использование удмуртского языка на территории Удмуртии в качестве государственного.

Благодаря новым вызовам общественно-политической жизни государства появилась потребность в развитии общественно-политической терминологии, которая отражала бы реалии сегодняшнего дня. В связи с необходимостью дальнейшего развития и совершенствования удмуртского языка, пополнения его словарного запаса, упорядочения терминов, орфографии и топонимии постановлением Президиума Государственного Совета от 13 ноября 1995 г. была организована Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики. В состав данной комиссии были включены представители законодательных и исполнительных органов, общественных организаций, ученые-филологи, специалисты в области языкознания, преподаватели учебных заведений, журналисты, писатели и т. д. Одними из важных задач термино-орфографической комиссии стали упорядочение терминов, систематизация топонимии, усовершенствование орфографии, а также перевод на удмуртский язык новых политических, экономических и других терминов.

В результате двухлетней работы был опубликован бюллетень Республикан-

ской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку (1998 г.), куда вошли 370 лексических единиц: *азьмурт* 'президент' (Б № 1, с. 39), *калык отчам* 'народное собрание' (Б № 1, с. 34), *мер* 'общество' (Б № 1, с. 35), *Кун кункрезь* 'государственный гимн' (Б № 1, с. 24), *ожгарчи* 'воин' (Б № 1, с. 22), *кунмуртлык* 'гражданство' (Б № 1, с. 25), *катрадлык* 'законодательство' (Б № 1, с. 27), *инлык* 'статус' (Б № 1, с. 47) и др. К сожалению, спустя некоторое время в силу ряда причин созданная в 1995 г. комиссия прекратила деятельность. Ее работа возобновилась в декабре 2005 г., когда был подписан указ Президента Удмуртской Республики. В круг первоочередных задач были включены редакция и переиздание Конституции Удмуртской Республики на удмуртском языке с учетом языковых изменений, происшедших за десятилетие. Так, новая редакция Конституции Удмуртской Республики должна была содержать больше отраслевых и общественно-политических терминов на удмуртском языке.

В 2008 г. термино-орфографическая комиссия выпустила второй бюллетень, куда вошло более 600 лексических единиц, в том числе общественно-политические термины: *коньдэт* 'бюджет' (Б № 2, с. 19), *бырьемчи* 'делегат' (Б № 2, с. 7), *ваньбурет* 'имущество' (Б № 2, с. 8), *эсеплыко-эрикрадъем* 'нормативно-правовой' (Б № 2, с. 39), *ас-ваньбуртон* 'приватизация' (Б № 2, с. 5), *мылкыдыюан* 'референдум' (Б № 2, с. 25), *асэриклыко* 'суверенный' (Б № 2, с. 5), *азьвалтэт* 'президиум' (Б № 2, с. 4) и т. д.

Следует отметить, что при создании новых терминов каждая лексическая единица подвергается всестороннему анализу с точки зрения происхождения, лексического значения, фонетического и морфологического оформления, степени употребляемости в различных контекстах. Большинство терминов были образованы по существующим и ныне функционирующим внутренним законам словообразования удмуртского языка. В ряде случаев были восстановлены архаизмы, например зафиксированные в словаре Кротова слова *кун* 'государство', *выт* 'дань, налог' сейчас активно используются в литературном удмуртском языке.

Тем не менее в целом создание и освоение новой общественно-политической лексики в значительной мере происходят стихийно-индивидуально. Ситуация вполне объяснима, потому что необходим определенный отрезок времени с момента фиксации термина до его полновесного функционирования. В качестве другой проблемы, с нашей точки зрения, можно указать вариативность отдельных терминов. В частности, в удмуртско-русском словаре 2008 г. под редакцией Л. Е. Кирилловой, общественно-политическая лексема 'нация' зафиксирована как: *йӧс* (УРС 2008, с. 261), *йӧскалык* (УРС 2008, с. 26), *калык-выжы* (УРС 2008, с. 276), *нация* (УРС 2008, с. 47), *меркалык* (УРС 2008, с. 429). Ясно, что в диахроническом аспекте количество этих терминов будет двигаться в сторону уменьшения.

Важную роль в развитии и систематизации терминосистемы удмуртского языка играют различные проекты. В частности, в ходе реализации совместного с другими финно-угорскими регионами проекта «Создание терминологических словарей на национальных языках для общеобразовательных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации» в рамках совместной программы Совета Европы и Европейского Союза для Российской Федерации была разработана терминология по литературе, языку, истории, обществознанию, математике, химии, физике, биологии, информатике, географии на удмуртском языке. Можно утверждать, что «Словарь терминов по обществознанию на удмуртском языке для общеобразовательных школ» (2011)⁴, выпущенный в рамках этого проекта, на сегодняшний день является самым полным и новым словарем удмуртской общественно-политической терминологии, вобравшим в себя весь опыт словотворчества. Также в этой работе вводятся в научный оборот новые общественно-политические термины удмуртского языка: *огкузналлык* 'моно-

⁴ См.: Тронина О. А. Словарь терминов по обществознанию на удмуртском языке для общеобразовательных школ [Огъядышетскон шорьёзо школаослы удмурт кылын обществознание удыскылъёсын кылюкам]. Саранск, 2011.

гамия', *визьбурудыс* 'ноосфера', *йылолыко тёрлык* 'традиционная власть', *калыкбыдтон* 'геноцид', *мерлыке пырон* 'социализация' и т. д. Таким образом, можно говорить о том, что настало время для создания полноценного удмуртского общественно-политического словаря.

В отличие от предыдущих этапов развития терминосистемы сегодня в связи с бурным развитием информационных технологий при создании и продвижении неологизмов не последнее место занимают общественные инициативы. Так, рабочая группа МУШ, интернет-сообщество «Удмуртлык» и Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды» («Солнце») в 2013–2014 гг. проводили интернет-конкурс «Малпа выль кыл» («Создай новое слово») с целью создания новых удмуртских терминов для перевода наименований современных реалий. Основная задача конкурса состояла в изменении отношения носителей удмуртского языка к словотворчеству на удмуртском языке. По мнению организаторов, носители языка сами могут создавать новые слова, которые в перспективе должны войти в корпус удмуртского языка и стать его неотъемлемой частью. Таким образом, удмуртские аналоги получили некоторые слова с общественно-политической окраской: *мытэт*, *вырзес* 'стартап'; *пырэскерон*, *эскерос* 'мониторинг'; *кулэясъкись*, *кулэясъ* 'потребитель'; *мермылыкыд*, *калыкмылыкыд* 'общественное мнение'; *меразё*, *калыказы*, *отырлыко* 'публичный'; *пунэман*, *коньдонкур* 'займ' и т. д.

Приведенные выше общественно-политические неологизмы, созданные по внутренним законам словообразования удмуртского языка взамен привычных русских эквивалентов, могут быть восприняты носителями удмуртского языка по-разному: одни отнесутся положительно, другие – нет. Только время покажет, войдут ли новые термины в состав литературного удмуртского языка, найдут ли применение в практике разговорного общения. Ясно, что введение подобной лексики является потребностью времени и, в случае продолжения подобных инициатив, позволит говорить о качественно новом этапе развития терминологии на удмуртском языке.

Общественно-политическая терминология удмуртского языка формировалась на протяжении нескольких веков под воздействием интра- и экстралингвистических факторов. Как показывает история, интенсивность целенаправленной деятельности по развитию данной группы лексики неразрывно связана с политическими и социально-экономическими изменениями государства, поскольку общественно-политическая терминология наиболее чувствительна к внешним и внутренним перипетиям: чем интенсивнее изменения в разнообразных сферах общественной жизни, тем активнее изменяется лексика на каждом этапе ее становления.

Представленная в статье периодизация формирования общественно-политической терминологии удмуртского языка показывает, как в течение относительно непродолжительного времени (не более двухсот лет) в лексике этой сферы активизировались различные процессы: актуализация одних лексических единиц и деактуализация других, лексическая архаизация и деархаизация, заимствование из других языков и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что общественно-политическая терминологическая система удмуртского языка пока проходит период становления, поэтому в номинациях много вариантов и дублетов. В данный момент для понимания дальнейшего направления развития удмуртской терминологии, в первую очередь, надо эксплицировать и закрепить принципы ведения терминологической работы, а также определить каналы распространения терминов.

Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении лексики и терминологии общественно-политической сферы, в трудах по исторической лексикологии и терминологии. К тому же собранные и систематизированные нами материалы могут послужить базой для создания словаря общественно-политической лексики и терминологии удмуртского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Б № 1 – Бюллетень № 1 Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку. Ижевск, 1998.
2. Б № 2 – Бюллетень № 2 Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку. Ижевск, 2008.
3. Грамматика – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1975.
4. ЕЕ – Евсеев Е. Ф. Газет лыдзисъёслы кыл валэктон [Словотолкователь. В помощь читателю газеты]. Ижевск, 1926.
5. КГ – Кузубай Герд. Люкам сочинениос. Куать томен. 3-тй том: веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужъёс, гождэтъёс / люказ Ф. К. Ермаков. Ижевск, 2004. Б. 208.
6. Опыт – Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 1998.
7. ПВРС – Жуйков С. П. Практический вотско-русский словарь. Ижевск, 1930.
8. РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956.
9. РУС 1939 – Русско-удмуртский словарь для начальной школы / отв. ред. П. Р. Евсеев, В. А. Лебедев; удм. часть – Арк. Багай. Ижевск, 1939.
10. УРС – Кротов З. Удмуртско-русский словарь [Краткой Вотской словарь съ російскимъ первоюмъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года] / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1995.
11. УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь / отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вахрушев В. М. Вопросы общественно-политической терминологии в удмуртском языке // Научное совещание по вопросам удмуртского языка и письменности, 1–4 июля 1952 г.: тез. докл. Ижевск, 1952. С. 21–24.
2. Воробьева О. И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. 119 с.
3. Воронцов П. И. Кылрадъян удыскылъёс: [о создании новых терминов в удмуртском языкознании] // Вордскем кыл. 1994. № 1. С. 71–74.
4. Герасимова С. В. О терминологической лексике в удмуртском языке, созданной в 1920–1930-е гг. // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2004. С. 201–204.
5. Загребельный А. В. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 248 с.
6. Каракулов Б. И. Этапы развития удмуртского литературного языка // Формирова-
- ние и развитие литературных языков народов Поволжья: материалы V Междунар. симпозиума. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2004. С. 95–113.
7. Кельмаков В. К. Вехи истории удмуртского языковедения. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 518 с.
8. Крючкова Т. Б. Особенности функционирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. Москва: Наука, 1989. 151 с.
9. Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Москва: Наука, 1975. 324 с.
10. Соколов С. В. Удмуртские термины: источники формирования и способы образования // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 5. С. 19–24.
11. Тараканов И. В. Кылмылэн азинкемез сярсы малпанъёс // Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие: сб. ст. Ижевск: Удмуртия, 2007. С. 38–50.
12. Титова О. В. О способах образования новых терминов в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2014. Вып. 1. С. 41–46.

Поступила 13.03.2018, опубликована 05.09.2018

FORMATION OF THE SOCIAL AND POLITICAL VOCABULARY IN THE UDMURT LANGUAGE AS A REFLECTION OF LANGUAGE CONSTRUCTION

Natalia V. Kondrateva,

Doctor of Philology,

Director of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru

Olga A. Stepanova,

Post-graduate student, Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), troninaolga@yandex.ru

The article identifies the main stages in the formation of social and political vocabulary in the Udmurt language. It gives an overview of lexicographic sources, which show the analyzed type of the vocabulary starting since the second half of the 18th century till nowadays.

For systematization and analysis of extensive empirical material it employs such methods as text observation, lexicographical comparison, precise historical observation, combined methods, analysis of statements made by historians and linguists one the considered topics.

Based on the conducted analysis, it revealed that in the history of Udmurt linguistics there are four main stages in the formation of social and political vocabulary of the Udmurt language: 1) the first stage is associated with the fixation of individual lexemes of the group of words under the study dated in 18th–19th centuries. Even the first monuments of the Udmurt alphabet (in the Grammars by V. G. Putyak-Grigorovich, M. Mogilin, in the Dictionary by Z. Krotov) contain the words with social and political coloring. This stage is characterized by the absence of a purposeful activity to study the social and political vocabulary of the Udmurt language; 2) The period of 1920/1930-ies is characterized by conscious and systematic approach to the coining of terms in various branches of science. It was this period that left a significant number of new words in the lexical system of the Udmurt language; 3) During 1940–1990-ies the work on the development of branch vocabulary stopped again, and the scientific legacy in terms coining is gradually losing its relevance; 4) The 1990's are defined by a new stage in the development of Udmurt terminology, which continues to the present day.

The work has been carried out in two directions: conducting theoretical fundamentals on the lexical composition of the Udmurt language; coining the terms and development of topical vocabulary, as well as their practical application in various publications.

Key words: terminology; Udmurt language; social and political vocabulary; social and political terminology; language and society.

For citation: Kondratieva NV, Stepanova OA. Formation of the social and political vocabulary in the Udmurt language as a reflection of language construction. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 26–36. (In Russian)

REFERENCES

1. Vakhrushev VM. Issues of sociopolitical terminology of the Udmurt language. *Nauchnoe soveshchanie po voprosam udmurtskogo iazyka i pis'mennosti: tez. dokl.* = Proceedings of scientific meeting on the issues of the Udmurt language and system of writing. Izhevsk; 1952: 21–24. (In Russian)
2. Vorob'eva OI. Political lexis. Its functions in contemporary oral speech and writing. Arkhangel'sk; 2000. (In Russian)
3. Vorontsov PI. Grammatical terms. About the creation of new terms in Udmurt linguistics. *Vordskem kyl* = Mother tongue. 1994; 1: 71–74. (In Russian)
4. Gerasimova SV. About Udmurt terminology created in 1920 – 1930s. *G. E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ia: sb. st.* = G. E. Vereshchagin and ethnocultural development of the Ural-Volga region. Collection of articles. Izhevsk; 2004: 201–204. (In Russian)
5. Zagrebel'nyi AV. Socio-political vocabulary of the Russian language of the beginning of the XX century in terms of semasiology and functionality. Vologda; 2013. (In Russian)
6. Karakulov BI. Milestones in the development of the Udmurt literary language. *Formirovanie i razvitie literaturnykh iazykov narodov Povolzh'ia: materialy V Mezhdunar. simpoziuma* = Establishment and development of literary languages of the Volga region nations. Proceedings of the International sym-

- posium. Izhevsk; 2004: 95–113. (In Russian)
7. Kel'makov VK. Milestones in the history of Udmurt linguistics. Izhevsk; 2011. (In Russian)
 8. Kriuchkova TB. Peculiarities of formation and development of socio-political vocabulary and terminology. Moskva; 1989. (In Russian)
 9. Protchenko IF. Vocabulary and word-formation of the Russian language of the Soviet era. Moskva; 1975. (In Russian)
 10. Sokolov SV. Udmurt terms: sources for their formation and methods of creation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt State University. 1995; 5: 19–24. (In Russian)
 11. Tarakanov IV. Reflection on the development of our language. *Udmurtskii iazyk: stanovlenie i razvitie: sb. st.* = The Udmurt Language: formation and development. Collection of articles. Izhevsk; 2007: 38–50. (In Russian and Udmurt)
 12. Titova OV. About the ways of word-building in the Udmurt language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. Izhevsk; 2014; 1: 41–46. (In Russian)

Submitted 13.03.2018, published 05.09.2018